

**От Тильзита до Эрфурта:
была ли жизнеспособна тильзитская система
международных отношений?**

Встреча императора Александра I с Наполеоном на плоту посреди Немана 25 июня 1807 г., последовавшие за ней двухнедельные переговоры в Тильзите и подписание 7 июля русско-французского договора о мире и дружбе и секретного договора о наступательном и оборонительном союзе, поразив воображение современников, не перестают озадачивать и их потомков. Иногда тильзитские соглашения представляют как неудачу русской дипломатии и несомненный успех императора французов¹. Однако очевидно, что побежденная на поле боя, Россия вышла из конфликта с гордо поднятой головой.

По мирному договору Пруссия единственная платила за военные поражения свои и русского союзника. На западе Европы Россия соглашалась на единственную территориальную уступку, впрочем, компенсированную аннексией Белостока, оставив Голландии далекую сеньорию Жювер в западной Фрисландии, частную собственность императорской фамилии. Конечно, по секретным статьям Россия отдавала Франции остров Корфу и семь Ионических островов, которые находились под ее протекторатом с 1799 г., а также область Каттаро на далматском побережье, но и Наполеон шел на уступки. Обе стороны брали на себя обязательство посредничества с целью восстановления общего мира в Европе: Александр I - в конфликте Англии с Францией, а Наполеон - в конфликте России с Османской Портой в регионе Дуная. В случае неудачи союз вступит в действие, в том числе путем совместных военных действий, против Англии и/ или Турции. Россия признавала изменения, произошедшие в Западной Европе, и в частности королевства Бонапартов в Голландии, Неаполе и Вестфалии, а также Рейнскую конфедерацию².

Почему же система международных отношений, основанная на русско-французском союзе, просуществовала всего пять лет? Почему уже встреча двух императоров в Эрфурте, имевшая место год и два месяца после тильзитской, в сентябре-октябре 1808 г., может считаться «началом конца», по образному выражению Шарля-Мориса де Талейрана?

Жизнеспособность любой системы международных отношений зиждется, по нашему мнению, на трех факторах: искренности намерений договаривающихся сторон, усилиях, прилагаемых каждой из них для осуществления зафиксированных в договоре положений, и, наконец, компромиссах, к которым прибегают стороны в случае наличия разногласий. Попробуем выяснить, насколько все эти условия выполнялись в случае тильзитской системы.

«Климат Тильзита»

23 июня 1807 г., прибыв в Тауроген, император Александр I написал князю Дмитрию Ивановичу Лобанову-Ростовскому письмо, в котором просил поставить Наполеона в известность о своем желании тесного союза между русской и французской нациями. *«Система совершенно новая должна заменить собой ту, которая существовала до сих пор. И льщу себя надеждой, что мы с императором Наполеоном легко сговоримся, если только станем переговариваться без посредников»³.*

Оба императора были, по всей вероятности, искренни при заключении союза, так как имелись достаточно веские основания для столь неожиданного поворота в умонастроении вчерашних противников. По свидетельству министра иностранных дел

Ш.-М. Талейрана, относящемуся к октябрю 1805 г., мысль о союзе с Россией уже тогда зрела в уме Наполеона, предпочитавшего договор с российским императором союзу с Австрией⁴. Тем более, что имелись прецеденты отпадения Российской империи от бывших союзников и сотрудничества с Францией в 1801-1802 гг. Конечно, Александр I отступил от политической линии своего отца, императора Павла I, когда отозвал посла Аркадия Ивановича Моркова (1803), разорвал дипломатические отношения (1804), отказавшись признать титул императора за французским правителем и заключив договор с Англией в апреле-июле 1805 г. Но, рассуждал Наполеон, Александр, как и Павел I, семью годами ранее, имел все основания быть недовольным своими союзниками по четвертой коалиции. Англия не выдержала роли лояльного союзника, не произведя диверсии в Германии, не выполнив в полной мере свои финансовые обязательства. Прусский же король Фридрих-Вильгельм III, утратив былой политический вес в результате катастрофических поражений своей армии при Йене и Ауэрштадте, уповал только на русскую военную помощь.

О желании Наполеона примириться с русскими свидетельствует и его поведение после Аустерлица, когда он позволил Александру I ретироваться с войсками, освободил князя Николая Григорьевича Репнина и других пленных офицеров русской гвардии, возобновив, таким образом, благородный жест 1801 г. Тогда же он обратился к прусскому министру Христиану Августу фон Гаугвицу со словами о русском союзе, как о наиболее приемлемом из всех мыслимых союзов⁵. Наполеон полагал, что русское участие в коалициях, составляемых европейскими монархами против его могущества, было причудой⁶, подкрепленной лишь мессианскими идеями общего блага Европы и надеялся, что именно франко-русский союз заставит королей смириться с пост-революционной Францией. В итоге, в июне-июле 1807 г. Наполеон разговаривал с побежденной Россией иначе, чем он разговаривал с Австрией при заключении Пресбургского мира (декабрь 1805 г.) и с Пруссией в том же Тильзите.

Что же до императора Александра I, трудно сказать с уверенностью, был ли он искренен, заключая договор о союзе с Наполеоном. Заметим, однако, что уже в январе 1806 г. в условиях, когда Россия осталась практически один на один с Великой армией, в окружении царя вынашивались идеи сближения с Францией или даже заключения с ней союза и тому есть немало свидетельств⁷. Заявления, сделанные Александром I непосредственно во время тильзитской встречи, противоречивы. Несомненно, он испытывал некоторое головокружение от ежедневного общения с победителем Европы. Не пишет ли он своей сестре Екатерине Павловне 29 июня: *«Кто мог подумать, что я буду проводить целые дни с Бонапартом, буду часами наедине с ним! Я спрашиваю вас, не сон ли все это»*⁸? С другой стороны, Александр писал своей матери вдовствующей императрице Марии Федоровне: *«К счастью Бонапарт при всем своем гении имеет одну слабость: это тщеславие, и я решил принести в жертву свое самолюбие ради спасения Европы»*⁹. Можно усмотреть в последнем высказывании доказательство того, что уже в Тильзите Александр I, которого принято обвинять в двуличии, вынашивал планы обмана доверившегося ему императора французов. Однако не следует воспринимать буквально все написанное. Ведь Александр I обращался в письме к своей матери, ярой противнице соглашения с Францией, и, несомненно, говорил ей то, что она хотела услышать. Вероятно, сестре он доверял больше и мог без обиняков писать ей о том, что действительно было у него на душе. В то же время, нельзя отрицать и то, что Александр I прекрасно отдавал себе отчет в реальных преимуществах, которые получал от союза с Наполеоном: он сохранял границы своей империи в неприкосновенности, сдерживал опасность польского восстания и извлекал даже некую славу от зрелищного и теплого общения с героем. Нам представляется, что нельзя говорить однозначно ни о взаимном обольщении императоров друг другом, ни о том,

что их не покидал сугубо прагматичный настрой. И то, и другое было бы преувеличением. Реальность же, как всегда, полна противоречий и на фоне особого «климата Тильзита» ни Наполеон, ни Александр I не забывали об интересах своих империй.

Тильзитская система в действии

В первые месяцы после тильзитской встречи оба протагониста попытались воплотить на практике достигнутые договоренности. Кадровые перестановки свидетельствуют о намерении императоров продолжать общение в тильзитском духе. Ш.-М. Талейран, противник русского союза, подал в отставку в августе 1807 г., втайне надеясь, что прошение будет отклонено, но Наполеон удовлетворил его просьбу. Исполнительный Жан-Батист де Шампаньи заменил его в руководстве внешней политикой, хотя Талейран и оставался в постоянном контакте с императором и двором. Прекрасно сознавая опасность влияния анти-тильзитски настроенного окружения на императора, Наполеон назначает в Россию в качестве своих представителей сначала своего флигель-адъютанта генерала Анн Жан Мари Рене Савари, затем генерала Армана де Коленкура, побывавших уже в Санкт-Петербурге с миссиями во время первого франко-русского сближения и лично приятных Александру.

Осенью 1807 г. император Александр, казалось, был решительно настроен, чтобы твердо придерживаться французского союза. Уже в сентябре он назначил нового министра иностранных дел, графа Николая Петровича Румянцева, и облагодетельствовал знаками внимания генерала Савари. Личная переписка, достаточно регулярная, установилась между двумя императорами, они обменялись роскошными подарками: меха и глыбы мрамора из России против севрского фарфора. Правда, Александр I просчитался, назначив своим представителем в Париже генерала Петра Александровича Толстого, который проявил себя негибким и недоброжелательным послом, без конца способствуя ухудшению двусторонних отношений и подпитывая недоверие своего правительства относительно намерений Наполеона.

Вначале Александр I достаточно точно выполняет взятые на себя в Тильзите обязательства. Уже 7 ноября, несмотря на старания британского агента Роберта Вильсона, пытавшегося возбудить сторонников Англии, Александр торжественно опубликовал указ о разрыве с Лондоном. Наполеон мог быть вполне доволен, если бы царь одновременно не поднял вопрос об Османской империи. Для Александра и его министра Румянцева было естественным ожидать, что взамен вовлечения России в борьбу против Англии, Наполеон согласится дать ей возможность увеличиться за счет Турции. В течение августа перемирие было заключено между русскими и турками на Дунае благодаря посредничеству представителя Франции полковника Гийемино, по которому русские должны были оставить османские провинции Молдавию и Валахию в соответствии с Тильзитским договором. Но Александр дал понять, что желает немедленного присоединения этих двух провинций к своей империи¹⁰.

Такое одностороннее присоединение было немыслимо в глазах Наполеона, который считал, что нарушение буквы Тильзитского договора в пользу России влечет за собой необходимость компенсации для Франции. Он считал, что сделал России одолжение уже тем, что заключил с ней мир, не потребовав с нее территориальных уступок, как это было его обыкновением. Действительно, он мог бы потребовать, чтобы Россия отдала ему польские провинции, отошедшие к ней по первому разделу 1772 г. Но он не сделал этого, заключив с Александром I союз и считая, что они, таким образом, в расчете. И в этом был исток взаимного непонимания, так как Александр I стал требовать новых уступок. Предложенная Наполеоном комбинация, которая

состояла в том, что России будет позволено остаться на Дунае, если Франция останется на Одере, сохранив за собой Силезию, не понравилась российскому императору, который опасался консолидации французских позиций в центральной Европе¹¹. Чтобы выйти из тупика и спасти союз, Наполеон выдвинул тогда идею раздела Османской империи.

В Тильзите, среди прочего, императоры говорили и о Востоке, а при известии о перевороте в Константинополе, лишившем власти султана Селима III, - о разделе между собой европейской части Турции. Обладая далматским побережьем, отошедшим к французской империи по Пресбургскому миру, Наполеон начал наводить справки, думая о перспективе захвата внутренних районов Балканского полуострова. Но он решил сделать план раздела Османской империи частью своей основной борьбы против Англии, составив обширный проект франко-русской экспедиции в направлении Индии через Малую Азию и Персию. Это означало возродить проект, уже существовавший во времена Павла I, но выглядевший более реалистичным в 1807 г. в виду франко-персидского договора о союзе и военной миссии генерала Гардана в Тегеран. Наполеон надеялся, что начало осуществления задуманного вынудит Лондон пойти на уступки и в начале января 1808 г. обсудил этот вопрос с Ш.-М. Талейраном. Но возражения бывшего министра, без сомнения, поколебали его решимость. Он, опасаясь, что позволит России завести себя слишком далеко, решил присоединить Австрию к разделу и доверился австрийскому послу в Париже Клеменсу фон Меттерниху¹². В январе Наполеон явно колеблется, сожалея о том, что сказал лишнее в Тильзите, в то время как Александр I начинает более придирчиво расценивать выгоды и минусы союза.

Воинственная тронная речь английского короля Георга III по случаю открытия парламентской сессии, дойдя до сведения Наполеона, вывела его из задумчивости, похоронив надежду на мирные переговоры с Лондоном¹³. Тогда, 2 февраля, он написал Александру I письмо, очень красноречивое, открывающее огромные перспективы, в котором изложил обширный план совместных мероприятий против Англии, где Россия будет с лихвой вознаграждена за свои усилия. Пусть она атакует Швецию, союзницу Лондона на Балтике, и тогда она сможет приобрести Финляндию, избавляя, таким образом, Петербург от постоянной опасности и завершая дело Петра Великого, пусть она примет участие в общей экспедиции в направлении Индии, и Наполеон позволит ей войти в Босфор и завершить, таким образом, дело Екатерины II. Эти огромные выгоды должны будут обезоружить враждебность русского мнения к французскому союзу и полностью сплотить его за государем¹⁴. Для того, чтобы договориться о деталях столь грандиозного плана недостаточно было переговоров на расстоянии. Наполеон предложил, поэтому, личную встречу с Александром I, дав возможность своему союзнику определить, поставив циркуль на карту, место встречи на равном удалении от обеих столиц, а также дату.

Можно усомниться в искренности этого неожиданного предложения Наполеона: не помышлял ли он усыпить внимание Александра I, отвлечь его от прусского вопроса и выиграть время, пообещав невозможное? Вероятно, здесь также ответ неоднозначен, так как Наполеон предпринял меры для усиления восточного фронта. Подкрепления двигались в сторону острова Корфу и далматского побережья. Кроме того, следуя французскому историку А. Вандалю, «если бы Наполеон хотел обмануть Россию, он предложил бы ей только раздел, а не поход в Азию, которому она мало сочувствовала»¹⁵.

Во всяком случае, письмо Наполеона было с нескрываемой радостью встречено Александром I, который узнал в нем стиль Тильзита. Он тотчас же принимает принцип встречи, предлагая назначить ее в Веймаре или в Эрфурте. В начале марта между послом Франции А. Коленкурром и министром Н.П. Румянцевым завязываются частые

дискуссии вокруг различных схем дележа останков Турции в Европе и в Малой Азии. Как отмечает Луи Биньон, дипломат и современный событиям историк, «*время связи императора Александра и императора Наполеона есть время самых полных признаний, можно сказать самой большой политической честности. Всякое лицемерие исчезло*»¹⁶. Россия не скрывала того, что желает утвердиться в Константинополе, и Франция не отказывалась предположить такую перспективу, разве что торговалась насчет причитающейся ей доли¹⁷.

Наконец, в письме от 13 марта Александр I предлагает Наполеону армию для экспедиции в Индию и пишет командирам своего флота, приказывая им перейти под командование французов в Средиземноморье¹⁸. К этому времени войска его уже заняли Финляндию в соответствии с пожеланиями Наполеона и Александр планирует встречу, которая позволит перейти к действиям на Востоке, на начало мая.

Внезапно возникли два непредвиденных препятствия в виде восставшей Испании и вооружавшейся Австрии. Наполеон, с некоторых пор мечтавший о водворении в Испании своей династии, уехал 2 апреля в Байонну для арбитража между Карлом IV и Фердинандом VII, отложив встречу с Александром *sine die*. Царь был тем более недоволен этой отсрочкой, что операции в Финляндии велись медленно, и французский корпус маршала Жана-Батиста Бернадота ничего не сделал для того, чтобы открыть второй фронт против Швеции, несмотря на обещания Наполеона. К тому же прекращение торговли с Англией начало негативным образом отражаться на русской экономике. Коленкур прилагал все усилия для того, чтобы «устоять в буре» и успокоить Александра, но вынужден был признать результаты этой задержки негативными для взаимного доверия¹⁹.

Известно, каким образом Наполеон преобразил свой арбитраж в Байонне в узурпацию власти испанского короля. Александр I признал без споров нового властителя Испании Жозефа Бонапарта, рассчитывая, вероятно, поставить эту снисходительность себе в заслугу во время встречи, отложенной на сентябрь²⁰. До той поры Наполеон рассчитывал подавить восстание, охватившее Испанию после вооруженного выступления патриотов в Мадриде 2 мая. Но, ничуть не утихая, испанское восстание стало только более масштабным, пришлось подумывать о регулярной войне. Последовали крупные поражения французских войск на Иберийском полуострове: капитуляция дивизии генерала П. Дюпона при Байлене в Андалузии (20 июля), капитуляция генерала А.Ж. Жюно около Лиссабона, в результате чего французские войска были вынуждены освободить Португалию. Наполеон решил немедленно оставить Пруссию и перебросить свою армию из Германии на Иберийский полуостров, о чем он тотчас же известил Александра I²¹. Таким образом, один элемент потенциального спора между Россией и Францией, казалось, был ликвидирован, но на горизонте появился другой деликатный вопрос.

Австрия, не смирившись с последствиями своих поражений 1800 и 1805 гг., предприняла реорганизацию своей армии под руководством канцлера Филиппа фон Штадиона и эрцгерцога Карла. События в Испании ускорили ее реваншистские проекты: Австрия увеличила численность своих войск, мобилизовала резервы и умножила военные маневры. Наполеон понимал опасность вторжения в сердце Иберийского полуострова, зная об опасности быть атакованным в Германии. Он понадеялся, что сможет обезопасить тыл благодаря русскому союзу, и предложил Александру I надавить на Вену. Россия удовлетворялась тем, что предостерегла Австрию в форме дружеского совета²².

Эти различные повороты событий делали встречу двух императоров все более срочной. В конце августа Александр I объявил А. Коленкуру, что 12 сентября выедет из

своей столицы, а 27 сентября прибудет в Эрфурт. Наполеон тотчас же направил маршала Ланна ожидать императора на Висле.

Переговоры в Эрфурте: «начало конца»

Встреча в Эрфурте, городе, завоеванном Наполеоном у пруссаков в 1806 г., была обставлена с еще большей пышностью, чем встреча в Тильзите. Кроме военных, были предусмотрены и светские развлечения. Наполеон привез с собой в Эрфурт лучших актеров и самых красивых актрис театра Французской комедии, и сам выбрал репертуар: исключительно трагедии пера Корнеля, Расина, Вольтера, лучшее из французского классицизма²³.

С 27 сентября, дня открытия конгресса, в течение двух недель, за завесой любезностей и уверений в дружбе, завязались тяжелые переговоры. Они велись с глазу на глаз между двумя государями, которые проводили почти каждый день после полудня по несколько часов кряду в кабинете Наполеона, что не мешало им спрашивать советов каждый у своего доверенного лица. Наполеон – у Талейрана, Шампаньи и Коленкура, а Александр - у Румянцева, Толстого и ... Талейрана. Ступив на стезю измены, бывший министр поспешил тайно повидать царя: *«Государь, зачем приехали вы сюда? Вам надлежит спасти Европу, а вы достигнете этого, только ни в чем не уступая Наполеону. Французский народ цивилизован, его государь не цивилизован. Русский государь цивилизован, а его народ нет. Следовательно, русскому государю надлежит быть союзником французского народа»*²⁴. Сначала удивленный, но затем заинтересованный, Александр I дал понемногу убедить себя в ходе своих ночных бесед с Талейраном в салоне принцессы де-ла-Тур-и-Таксис в том, что ему необходимо оказывать сопротивление требованиям Наполеона.

Вопросы об Индии и о разделе Турции, для урегулирования которых первоначально намечалась встреча, отошли на задний план. Главное требование императора французов касалось Австрии. Наполеон желал, чтобы российский император твердо заявил о том, что является его союзником против Вены. Но именно по этому пункту Талейран призывал царя не идти на уступки, намекая на тайные намерения Наполеона напасть на Австрию и уничтожить ее. Поэтому Александр I упорно сопротивлялся, рискуя вызвать раздражение Наполеона, который дал волю своему негодованию, растоптав собственную шляпу – но, ничуть не поколебав своего собеседника. Нисколько не соглашаясь угрожать Вене, Александр, напротив, исподтишка постарался успокоить ее.

Прусский вопрос также представил некоторые трудности. Франко-прусский договор, подписанный в Париже 8 сентября 1808 г., не полностью удовлетворял императора России. Кроме того, что Пруссия должна была выплатить очень тяжелую контрибуцию, фиксированную в 140 миллионов франков, французы продолжали находиться в трех крепостях на Одере: Глогау, Штеттине и Кюстрине. Но по этому поводу все замечания Александра остались тщетными. Наполеон аргументировал тем, что поскольку существует опасность нападения со стороны Австрии, он не может лишиться себя такого стратегического преимущества. *«Впрочем, если вы непременно требуете эвакуации, я соглашусь, но тогда вместо того, чтобы идти в Испанию, я теперь же покончу мои счеты с Австрией»*²⁵. Александр I вынужден был уступить. Наполеон ограничился тем, что снизил контрибуцию до 120 миллионов.

Тильзитский союз был возобновлен против Англии, и были согласованы некоторые принципы будущего мира с «общим врагом». Перед тем как расстаться, императоры совместно написали письмо Георгу III, предложив ему переговоры. Что же до Турции, то Наполеон смирился с тем, что Россия оставит себе молдаво-валахские княжества, что было санкционировано статьей 8 Эрфуртского договора²⁶.

Когда императоры расстались 14 октября, у Наполеона не было оснований быть удовлетворенным произошедшим, даже, несмотря на то, что ему ничего не было известно о предательстве Ш.-М. Талейрана. Он возвращался в Париж, *«заключив некий договор по существу отличный от того, который он вынашивал в своей голове по пути в Эрфурт»*²⁷. Разногласия, обострившиеся под влиянием Талейрана, проступили более явно, как только изменилось соотношение сил. *«Эти дьявольские испанские дела дорого мне стоят»*, был вынужден признать Наполеон²⁸.

Была ли жизнеспособна тильзитская система международных отношений? Нельзя однозначно ответить на этот вопрос постфактум. Вполне вероятно, что позволив Наполеону Российской империи присоединить Константинополь, отношения между двумя странами развивались бы совсем по другому сценарию. Франко-русский брачный союз, быть может, также сгладил бы некоторые трудности и помог преодолеть разногласия. Об этом подумывала французская сторона, Наполеон прозондировал на этот счет Александра I, не раскрыв полностью своих намерений. Идея витала некоторое время в воздухе, но на тот момент Наполеон не решил еще разводиться с Жозефиной, а великая княжна Екатерина оказалась замужем за герцогом Ольденбургским несколько месяцев спустя. Вероятно также, что не будь предательства Талейрана, Александр I уступил бы Наполеону и в вопросе нажима на Австрию.

Однако, когда пришло время подводить итоги, у Франции остался лишь внешний союз, который не внушал более иллюзий третьей стороне. Далеко не испуганная, Австрия скорее успокоена, даже приободрена в смысле продолжения своих наступательных намерений. Англия обрела континентального союзника, и надежды на общий мир уничтожены. Ничуть не укрепив тильзитскую систему, встреча в Эрфурте знаменует собой «начало конца» для необычного в истории эпизода, начавшегося в июле 1807 г.

По-видимому, Наполеон переоценивал выгоды и в особенности необратимый характер русского союза – царю будет легче денонсировать такой союз, чем отвоевывать потерянные территории. Историки обычно видят в тильзитской встрече апогей правления Наполеона. Но, несомненно, также, что русский союз, этот источник иллюзии безопасности, таил в себе многие губительные последствия для могущества императорской Франции, такие как вовлечение в войну на испанском фронте и последующие ошибки. После вялой Эрфуртской встречи Наполеону потребуются еще многие месяцы, чтобы избавиться от впечатления о своем всемогуществе. Это отрезвление пройдет через мутную игру России в 1809 г., далее через разрыв 1811-1812 гг. и стремление Александра I покончить с династией Бонапартов в 1813-1814 гг. Лишь на Святой Елене Наполеон признал, наконец, свое заблуждение и кончил заявлением, что его союзник по Тильзиту был «неискренним, настоящий грек Восточной империи».

-
- ¹ См., например: Lentz T. La drôle de paix de Tilsit // L'Histoire. №321. Paris, juin 2007. P.25-26.
- ² См. текст франко-русских договоров от 7 июля 1807 г.: Kerautret M. Les grands traités de l'Empire (1804-1810). Paris: Nouveau Monde/ Fondation Napoléon, 2004. P.277-290.
- ³ Кузнецова Г.А. Александр I и Наполеон в Тильзите // Новая и новейшая история. 1991. №6. С.247.
- ⁴ Письмо Талейрана к д'Отриву от 27 октября 1805 г. из Мюнхена. Artaud de Montor A.F. Histoire de la vie et des travaux politiques du comte d'Hauterive. Paris, 1839. P.121.
- ⁵ 13 декабря 1805 г. Наполеон заявляет прусскому министру Х.-А. фон Гаугвицу: «Я приберу к рукам Россию, если не сегодня, так через год, через два, через три года. Это будет, вероятно, самый подходящий для меня союз». Цит. по: Sorel A. L'Europe et la Révolution française. Paris, 1904. Т.7. P.13.
- ⁶ «Только Россия в настоящий момент может позволить себе вести в Европе войну из причуды, - замечает Наполеон австрийскому императору Францу. – Побежденная, она отступает в свои пустыни». Цит по: Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1847. Т.6. P.335.
- ⁷ В письме к Талейрану от 17/29 января 1806 г. французский консул Бартелеми де Лессепс уверяет, что «здесь будут очень благоприятно расположены к сближению, если Франция пребывает в том же настроении». Цит. по: La Tour J. Les prémices de l'alliance franco-russe. Deux missions de Barthélémy de Lesseps à Saint-Petersbourg. Paris: Perrin, 1914. P.17. С русской стороны наиболее решительно настроенные умы не исключали даже смену союзов, так П.А. Строганов писал 11 января: «Существует лишь один способ уладить все это, внезапно заключить союз с Бонапартом и вместе поедать пирожные». Цит. по: Sorel A. L'Europe et la Révolution française... Т.7. P.38. См. также характеристику трех политических группировок из окружения Александра I: Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801-1812 гг. М.: Алгоритм, 2003. С.121-146.
- ⁸ Цит. по: Waliszewski K. Le règne d'Alexandre Ier. Paris: Plon, 1923. Т.1. P.228.
- ⁹ Gontcharova T., Kerautret M. Napoléon et Alexandre à Tilsit // La revue Napoléon. Paris, mai 2007. №30. P.40.
- ¹⁰ Депеша Савари от 18 ноября 1807. Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. Т.II. С.227.
- ¹¹ Инструкция Наполеона Коленкуру от 12 ноября 1807. Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т.II. С.203-205.
- ¹² Mémoires laissés par le prince de Metternich. Paris: Plon, 1881. Т.2. P.154-155.
- ¹³ Эта тронная речь была опубликована в Moniteur от 2 февраля 1807 г. См. Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т.II. С.260-261.
- ¹⁴ См. Kerautret M. Les grands traités de l'Empire... P.358-361.
- ¹⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т.II. С.269.
- ¹⁶ Bignon E. Histoire de France sous Napoléon. Paris: Firmin-Didot, 1830-1838. Т.7. P.404.
- ¹⁷ См. Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т.II. С.306-323.
- ¹⁸ См. Kerautret M. Les grands traités de l'Empire... P.360-361.
- ¹⁹ Рапорт Коленкура Наполеону от 22 мая 1808. Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т.II. С.349, 352.
- ²⁰ Донесение Коленкура Наполеону от 10 июля 1808. Там же. С.358-359.
- ²¹ Там же. С.388.
- ²² Там же. С.394.
- ²³ Talleyrand Ch.-M. de. Mémoires (1754-1815). Edition Couchoud. Paris: Plon, 1982. P.439.
- ²⁴ Рассказано Меттернихом на основании откровений Талейрана. Mémoires laissés par le prince de Metternich. Paris: Plon, 1881. Т.2. P.248.
- ²⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т.II. С.458.
- ²⁶ Полный текст конвенции, подписанной 12 октября между Францией и Россией, см. Kerautret M. Les grands traités de l'Empire... P. 424-428.
- ²⁷ Talleyrand Ch.-M. de. Mémoires... P.478.
- ²⁸ Вандаль А. Наполеон и Александр I... Т.II. С.452.